

ЦИКЛ

Влада Полякова

ВАРЯГИ

Черный ярл

Смута

Меж степью и Римом

Стальная корона

Влад Поляков

ВАРЯГИ

Стальная корона

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П54

«Ведунская серия»

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П54 Поляков, Влад

Варяги: Стальная корона: роман / Влад Поляков. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ле-
нинград», 2016. — 352 с. (Ведунская серия).

ISBN 978-5-17-096321-8

Русь никогда не оставляют в покое ее враги. Особенно те, которые видят угрозу в самом ее существовании, а тем более в могуществе. И если не получается решить дело силой, то в ход идут интриги и заговоры. И вот оказавшийся в непривычной роли посредника-миротворца между Византией и Болгарией — князь Хальфдан Мрачный плывет в порубежный болгарский город Переяславец. Плывет, не зная, что намеченные переговоры — всего лишь часть интриги, корни которой опять идут в Рим, этот проклятый людьми и богами Вечный город.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096321-8

© Влад Поляков, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

С добрым утром, наместник Святого Петра!
Вы, я вижу, опять безнадежно упрямы.
Мне вливать философию зла и добра —
Все равно что сворачивать в терцию гамму.
Если выписать мне вид на жительство в ад,
К вам же черти сбегутся с болезненным лаем
И в слезах и соплях будут вас умолять:
«Заберите его, мы с ним жить не желаем!»

Гляньте свежим взглядом — ад мой с вами рядом,
Хоть дождем, хоть градом, гнев Господень падет на всех.
Те, кто жив остался, пьют яд Ренессанса,
Впору испугаться, слыша дьявола смех.

Вы писали недавно в каком-то письме,
Что давно переполнена чаша терпенья,
Что сожжете меня вы по этой весне —
Куклу будете жечь за меня неименем!
Если делать вам нечего, бедный мой друг,
Приезжайте ко мне, скрыв под масками лица,
В карнавальном огне, в наслаждении мук,
Знать, придется мне вас поучить веселиться!

Канцлер Ги

Пролог

ЯНВАРЬ (ПРОСИНЕЦ), 989 ГОД, РИМ

Джованни ди Галлина Альба, он же Папа Римский Иоанн XV, викарий Христа и хранитель ключей Собора святого Петра, пребывал не в самом спокойном состоянии души. Удивительного в этом ничего не было — обстоятельства складывались не самым лучшим образом. Нет, он не собирался гневить Бога напрасными жалобами, понимая, что многие из его планов увенчались успехом, другие были на пути к исполнению. И все ж хотелось большего! Только вот на дороге к этому «большему» порой становились люди, опрокинуть которых было сложно даже ему, наместнику Бога на Земле.

Если на пути возникают преграды, то надо либо искать обходные пути, либо сокрушать их. Самому или чужими руками — это не столь и важно. Вот потому он и вызвал из Франции одного из надежнейших своих помощников и сподвижников — аббата Майоля Ключонийского. Именно с ним можно было говорить самым серьезным образом, не опасаясь, что слова будут истолкованы превратно или же ими воспользуются в различных интригах, не сулящих ему власти. Особенно Иоанн XV опасался клеветов своего давнего врага — тоже Иоанна, но из рода Кресцентиев. Он давно и упорно пытался протолкнуть на Святой Престол своего ставленника, сбросив теперешнего

викария Христа. Будучи реальным правителем Рима, опираясь на поддержку большей части древних италийских родов, он мог на это рассчитывать. Сам же Иоанн XV опирался на благосклонность германских князей, а еще на бенедиктинцев. И эта поддержка пока что перевешивала. Только слово «пока» не то что не устраивало, но внушало серьезные опасения, заставляло искать пути выхода из пугающей ситуации.

Сейчас Джованни ди Галлина Альба внимательно смотрел на своего вернейшего союзника, творившего очередную молитву перед распятием тончайшей работы венецианских мастеров. Удивительно было, что они, два столь разных человека, оказались связаны одной цепью. Майоль Клунийский был всем известным аскетом, истово верующим и ставящим во главу своей жизни служение единственно истинному Богу. Тому веское доказательство — активно проводимая им реформа жизни духовного сословия, направленная против падения нравов монашества и простого духовенства. Именно ее окончательное претворение в жизнь было вершиной мечтаний Майоля.

Неудивительно, что многие поражались, почему Иоанн XV, буквально утонувший в обвинениях относительно подкупа, назначения людей родственной крови на важные должности и прочих схожих грехов, всецело поддерживал реформаторские порывы аббата Клунийского. А суть была проста и понятна. Джованни ди Галлина Альбе было мало дела до нравственности большей части духовенства, лишь бы эта самая нравственность не касалась его и его ближних людей. А вот добавить к повышению нравственности монахов еще и увеличение независимости тех же монастырей от власти светских сеньоров... Ведь монастырь — это

не просто здание или несколько оных, но еще и обширные земли, крестьяне, ремесленники, к ним приписанные. То есть не только деньги, но еще и власть! Власть духовная, на вершине которой стоял именно он, понтифик. Много власти, если сумеешь ей правильно распорядиться.

Потому аббат Ключонийский и был выведен из-под власти любых епископов, подчиняясь исключительно ему, Папе Римскому. Рука понтифика, посредством которой он закладывал первые камни в величественное здание владычества Святого Престола не только над духовными, но и над светскими властелинами. Нынешней власти Иоанну никак не хватало. Он был уверен, что не Папа должен прислушиваться к императору, а тот — к нему. И не просто прислушиваться, а покорно внимать даже легким намекам с высоты Святого Престола.

Отсюда и крепость связи этих двух очень разных людей. Общие цели, пусть видимые с разных позиций, объединили их крепче стали кандалов и кровных уз. Потому и безграничное доверие, и вот такие редкие, но важные встречи. Те самые, на которых обговариваются лишь самые важные дела, что не рекомендуется переносить на бумагу или пергамент. А дел этих сейчас хватало.

— Заканчивай молитвы, Майоль. — Улыбка на лице понтифика была похожа на разошедшуюся рану от кривого клинка. Иоанн это знал, потому старался не улыбаться при посторонних, не желая портить тщательно создаваемый благообразный облик. — Разговор с Отцом нашим небесным редко идет в обе стороны... А вот от меня ты всегда получаешь ответы.

— Да простит вас Господь в бесконечном милосердии своем...

— Кого же ему еще прощать в сим суетном мире, как не наместника своего, — вновь ухмыльнулся понтифик. — Если решишься чуть ослабить цепи своего аскетизма, все эти вина и редкие блюда ждут. Особенно порадует вон та бутылка вина. Бургундское, выдержанное, урожая года... не вспомню уж и какого. Да мне и помнить не требуется.

Закончивший наконец молитву, аббат Ключийский поднялся с колен, в последний раз перед этим перекрестившись, после чего направился к ожидающему его креслу. Оно, кстати, не вызывало у него, поборника строгости и умерщвления плоти, никаких восторгов. Слишком богато украшенное. Чересчур удобное. Впрочем, роскошь была везде, она окружала Иоанна XV. Хотя он так и остался Джованни ди Галлина Альба, могущественным итальяйским вельможей, облачившись в одеяния Папы Римского не ради Бога, но ради земной власти. Но Майоль был готов терпеть это, уверившись, что и через такого грешника Бог претворяет в жизнь замыслы об усилении могущества церкви. Знал он и то, что случись непоправимое, умри Иоанн или будь он свергнут, пришедший ему на смену уже не будет столь благосклонен к продолжающейся ключийской реформе.

Как Иисус нес свой крест на Голгофу, так и ему, смиренному аббату Ключийскому, надлежит нести свой — вот этого... Джованни ди Галлина Альба, орудие Божественной воли. Вот и сейчас: сесть в кресло, ласково улыбаться... и вершить дела, угодные Богу.

— О чем вы хотели говорить со мной, ваше святейшество? Мавры, Франция, Польша? Или славянские идолопоклонники?

— Они, верный мой Майоль, — покривился Иоанн, хотя только что отпил сладкого душистого вина

из золотого с рубинами кубка. — Как видишь, они придают горечь даже этому роскошному напитку, нектару богов.

Поморщившийся от одного упоминания языческого слова «нектар», идущего от греко-римских мифов, а также от непрямого упоминания множественности богов, Майоль не проронил ни слова. Привык и давно, что дело прежде всего. Да и о сути понтифика не питал тщетных мечтаний. Лишь заметил, заостря выбранную тему:

— Думаю, что разговор пойдет не о венедах, ваше святейшество. Сами по себе они хоть и хлопотны, но их сила несравнима с той, что подвластна землям, где чтут имя Господа нашего Иисуса Христа.

— Ты догадлив, Майоль. Речь действительно пойдет не о венедах, княжествах, а о великом княжестве Киевском. Или о Руси, как они сами предпочитают себя называть. О нашей настоящей проблеме, которую предстоит решать, пока она не стала совсем уж угрожающей. А к этому все и идет.

— Так ли сильно угрожает нам Киев и его князь Хальфдан? Пусть возится с дикими варварами на своих восточных границах, пусть враждует с Византией, ведь их отношения еще долго не будут нормальными после всего произошедшего. А мы будем делать зависящее от нас, чтобы все так и длилось.

— Смотри в глубь наших забот, а не скользи взглядом по поверхности, — попенял собеседнику понтифик. — Князь Хальфдан Мрачный смотрит не только на восток, хотя и пытается скрыть это, вводя в заблуждение властителей земных. Но вот обмануть наместника властителя небесного у него не получится. Уже не получилось, раз я об этом с тобой разговариваю. Вспомни события минувших лета и осени...

Майолю не пришлось особенно напрягать память. События и впрямь были не из тех, которые легко забыть. Гнойный нарыв среди земель христианских государей, цитадель братства наемников-идолопоклонников Йомсборг. Йомсвикинги были полезны как воины, продающие свои услуги всем, кто способен заплатить, но до поры. Стоило им слишком уж высунуться, как по общему согласию владык светских и духовных было принято решение стереть их с лица земли. Да так, чтобы и памяти не осталось, чтобы никто более и помыслить не смел создавать нечто подобное, да к тому же под знаменами ложных богов, а вернее демонов.

Признаться, тому способствовало и поведение князя Киевского, будто бы назло прочим решившего обменяться с Йомсборгом послами, ставя грязных разбойников вровень с королями, герцогами и прочими. Впрочем, сейчас аббат Ключонийский понимал, что да, именно нарочно, именно с далеко идущими намерениями все это делалось. Потом же...

Гнезно! То самое убийство архиепископа Гауденция, едва назначенного Святым Престолом. Убийство наглое, нарочитое, каковых он и вспомнить не мог в обозримом времени. И совершили его не во время войны или набега. О нет! Всего лишь несколько человек, проникших в святая святых под чужими именами, сумевшие убедить всех вокруг в истинности своих масок. И часть из них сумела скрыться, прихватив с собой отца Бернарда, немаловажную частицу бенедиктинского ордена. Крайне болезненный удар по церкви.

Дознаватели Святого Престола умели работать, особенно когда дело касалось убийства своих. Поработали и тогда, довольно быстро вытащив на свет божий истинную суть произошедшего. Почти мгновенно рас-

пространившиеся слухи насчет вины йомсвикингов они на веру принимать не собирались. Слишком уж это было сомнительно. Братство наемников никогда не было замечено в таких сложных интригах и громких убийствах сильных мира сего. Поэтому бросающуюся в глаза картину просто проигнорировали.

Вместо этого стали искать особенности, свойственные тем или иным влиятельным персонам. И довольно быстро нащупали ведущую к центру лабиринта нить. Красивые женщины, способные не только интриговать, но и убивать. И это были не простые девы-воительницы, часто встречающиеся в войсках славян и хирдах викингов с варягами. Те умели именно воевать, но никак не плести кружево коварных интриг. Зато это умели делать жрицы одной из славянских идолиц — Лады. Двинулись в этом направлении и... результат не заставил себя долго ждать. Опознали мертвого убийцу архиепископа, а там всплыла и его связь еще с одной славянской жрицей, их бегство в Киев... В общем, потайные пружины произошедшего оказались на виду. Вот только это ничего не дало.

Уверенность польского панства в виновности йомсвикингов переломить было очень сложно, практически невозможно. Киев же обвинить было не в чем, никаких явных следов, вообще ничего. Все явные следы вели в Йомсборг, а тайные... их простым вассалам князя Польши Мешко Пяста не предъявить. Слишком многое тогда придется объяснять, а это не в интересах Святого Престола. К тому же йомсвикингов так или иначе, но следовало уничтожить. Войска еще до громкого убийства были почти собраны, оставалось лишь отдать приказ. И нужные слова прозвучали, причем со стороны сидящего на троне Мешко Пяста. Как оказалось, зря.

Во-первых, передовые отряды войска обнаружили не просто стены Йомсборга, но готовые к обороне стены и полное отсутствие какой-либо суеты. Это уже было плохо, поскольку одно дело изгоном обрушиться на полуготовую к штурму крепость и совсем другое — вести долгую и планомерную осаду. Йомсборг ведь был действительно очень хорошо защищен, да и следов ветхости стен там никогда не наблюдалось. Воинское братство ответственно подходило к защите собственной цитадели.

Было еще и во-вторых. Море. Оно кишело не только драккарами братства наемников, но и боевыми кораблями из Киева. Часть прибывших с Руси судов была вполне обычными, но вот другая красовалась установленными метателями греческого огня, камне- и стрелометами в большом количестве. Было понятно, что на воде преимущество будет не на стороне нападающих. Печальное напоминание о том, что корабли христианских государей не могут чувствовать себя в безопасности даже там, где совсем недавно было относительно спокойно. А тут еще и посланник Киева в Йомсборге, некто Богумил, прибыл лично к князю Мешко с посланием. Вежливым таким, доброжелательным по словам и издевательским по существу. Последнее время эти руссы полюбили добавлять к силе оружие еще и силу слова, умело это сочетая.

Оказалось, что посланные князем Хальфданом Мрачным в Йомсборг корабли вовсе не боевые и всего лишь осуществляют сопровождение посольства. А заодно помогают жителям Йомсборга покинуть оказавшиеся не самыми хорошими для братства земли. Особенно недружественных соседей, на них обитающих.

Куда отправляются йомсвикинги? Поближе к рубежам Руси, а если точнее — к устью реки Западная Двина. Теперь Йомсборг будет располагаться там, а не здесь. А великому и могучему князю Мешко Пясту стоит обождать некоторое время, а уж потом подбирать бесхозную крепость. В конце концов, не может же земля оставаться пустой, все равно тот или иной хозяин найдется.

Оплеуха получилась знатной. Князь Мешко рассчитывал на воинский поход, громкую победу, славу победителя грозного братства идолопоклонников... И все пошло прахом. Даже обещанная ему крепость и окрестные земли теперь представляли в облике не воинской добычи, а подаяния с чужого плеча. Дескать, возьми, убоже, что мне негоже. Будучи славянином, поляк хорошо понимал, как это выглядит со стороны. И, что особенно плохо, это понимали и его приближенные. Понимали, но сделать ничего не могли. Пришлось проглотить вызывающее поведение посла Хальфдана Мрачного. Посла того, на чьей стороне здесь и сейчас оказалась большая сила. Только самому Мешко от этого было не легче. Чувство бессильного гнева — не лучшее для столь значимого властителя, но именно оно поглощало поляка изнутри. И средства избавления от него он не знал.

Претворяющему в жизнь пожелания понтифика духовенству также было кисло. Поход под знаменем веры окончился по сути ничем. Более того, Рим щелкнули по носу, показав, что дела идолопоклонников — не их дела. И вот это, в отличие от всего прочего, нельзя было снести. Потому сейчас, зимой 989 года от Рождества Христова, Папа Римский Иоанн XV и аббат Майоль Ключийский и вели важный разговор.